

Духъ польской культуры.

Борьба Польши за ея стократно нарушенное и неотъемлемое право продолжается сто сорокъ лѣтъ, если ея естественнымъ началомъ и первыми судорогами считать не кощюшковское возстаніе 1794 года, а первый раздѣлъ Польши въ 1772 г., за которымъ, какъ извѣстно, послѣдовали второй и третій въ 1793 и 1795 гг. и дальнѣйшіе передѣлы этого выморочнаго наслѣдства на основаніи тильзитскаго мира (1807 г.), вѣнскаго трактата (1809 г.) и вѣнскаго конгресса (1815 г.), даваша російской коронѣ Царство Польское, такъ называемое „Królestwo kongresowe“, образованное изъ большей части Герцогства Варшавскаго, съ конституціей, просуществовавшей до польскаго возстанія, вѣрнѣе, польско-русской войны 1830—31 года. Позднѣйшія движенія 40-хъ годовъ и возстаніе 63 г. закончились политической нивелировкой этого края.

На такомъ огромномъ пространствѣ времени и мѣста борьба велась почти непрерывно, то открыто, мятежно, съ приливами бурной энергіи и отчаянія, то скрываясь отъ людскихъ глазъ, какъ незримая подземная рѣка, прорывающаяся съ новой силой наружу за сто верстъ—тамъ, гдѣ ее уже отпѣвали вмѣстѣ съ народомъ и его судьбой.

Въ зависимости отъ политическихъ и общественныхъ теченій Европы она принимала самыя разнообразныя формы: конспиративныхъ бунтовъ, пропаганды, мѣстныхъ вспышекъ, иногда почти добровольнаго мученичества отдѣльныхъ лицъ и кружковъ, заранѣе обрекающихъ себя на гибель, но все время передавалась изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ завѣтъ, приказъ свыше и какъ отравы, которая вошла въ плоть и кровь, въ самыя подчасъ отдаленныя и чуждыя политикѣ области духовной жизни, углубила русло народной памяти и выработала складку польскаго ума, польской души, польской культуры.

Слова, сказанныя Людовикомъ Мѣрославскимъ 4 августа 1847 г. въ первомъ въ Пруссіи политическомъ процессѣ о польскихъ демократахъ, которыхъ „единственнымъ романомъ молодости было освобожденіе, просвѣщеніе и возведеніе народа на пьедесталь гражданства“, были

бы примѣнимы ко всѣмъ странамъ и ко всѣмъ освободительнымъ движеніямъ, если бы въ политически изуродованной Польшѣ эти романы молодости не превратились современемъ въ чудовищную трагедію, въ хаосъ безъ преемства, безъ передышки и развязки, въ необходимость отстаивать каждую пядь земли, языкъ, школу, обычаи, индивидуальную племенную окраску, т.-е. все то, что лежитъ въ основѣ всякаго народнаго быта, какъ нѣчто само собою понятное, элементарное и недѣлимое.

Три раздѣла, а по вѣнскому конгрессу—и четвертый, ликвидируя наслѣдіе Рѣчи Посполитой, не могли, конечно, ликвидировать польскій вопросъ. Неотступно, какъ неразрѣшимая дилемма, на протяжении всего вѣка онъ стоитъ передъ глазами устроителей польскихъ судьбъ.

И если возрождающаяся Польша времянь конституціи 3 мая могла быть опасной для сосѣднихъ державъ, то она стала стократно опаснѣе послѣ своей мнимой политической смерти, какъ внѣдренное по частямъ въ три организма гнѣздо разложенія.

Помимо того, не было такой силы, которая могла бы помѣшать естественному тяготѣнію трехъ обезглавленныхъ Польшъ къ своей идеальной метрополіи, именно вслѣдствіе ея реального небытія и неуловимости духовнаго начала жизни.

Не поляки сами по себѣ, не ихъ прошлое и не самъ по себѣ фактъ покоренія цѣлаго государства, а то, что было въ фактѣ раздѣла *contra naturam*, на первыхъ же порахъ создало хаосъ, для исторіи неприемлемый и требующій пересмотра. Ибо можно убить народъ, но, не убивъ его, нельзя убить идею народа. Невозможность эту понимали не только декабристы, не только Герценъ и Бакунинъ, но даже крайне умѣренные элементы русскаго общества александровскихъ и николаевскихъ времянь: часть фрондирующаго дворянства, полумасоны, полувольтеріанцы, полукрѣпостники.

Дѣйствительно, всѣ эти безконечные вводы во владѣніе польской землей, безконечное размежеваніе захваченной страны доставляли владѣльцамъ болѣе хлопотъ, опасеній и тревогъ, чѣмъ ожидаемой выгоды.

Варшавой тяготилась уже Пруссія, Польшей и Литвой—Россія, начиная съ Александра I и кончая самой близкой намъ эпохой, и еще наканунѣ войны г. Меншиковъ совѣтовалъ правительству промѣнять Царство Польское на Восточную Галицію, какъ обузу, причиняющую государству существенный, матеріальный и моральный, ущербъ.

Мысль о возстановленіи Польши возгорается немедленно послѣ ея раздѣла. Центръ тяжести польскаго вопроса перемѣщается отнынѣ по никому невѣдомой праціональной линіи всѣхъ европейскихъ войнъ и переворотовъ. Въ исходѣ XVIII и началѣ XIX вѣка онъ становится вопросомъ первой международной важности, какъ вѣчная угроза и про-

тивовѣсь, выставляемый попеременно то могуществу Франціи, то политикѣ коалиціонныхъ державъ, каждой порознь и всѣмъ вмѣстѣ. Каждая изъ трехъ державъ, ведя по отношенію къ другой политику розни и случайныхъ союзовъ за и противъ Наполеона, втягиваетъ въ кругъ своихъ интересовъ идею возстановленія Польши. Обѣщанія давались Наполеономъ и коалиціей не только безъ всякихъ обязательствъ, но съ самымъ очевиднымъ намѣреніемъ предать польскіе интересы при первой возможности и за любую цѣну, въ крайнемъ случаѣ—отдѣлаться минимальными, ничтожными уступками. Даже при неоднократныхъ обостреніяхъ добрыхъ отношеній между сосѣдними державами, даже въ случаяхъ полной противоположности интересовъ, — давность захвата, вѣчное право на территорію другого народа и согласіе на невозстановленіе Польши подтверждаются явными и тайными трактатами. Такимъ образомъ, поощряя свою польскую провинцію къ далеко идущимъ надеждамъ, данная держава вызывала почти съ безошибочной необходимостью рядъ желаемыхъ явленій: 1) умиротвореніе польскаго населенія на время войны; 2) готовность его къ матеріальнымъ жертвамъ и военнымъ услугамъ; 3) возможность польскаго возстанія въ непріятельской державѣ, воздержаніе ея польскаго населенія отъ военныхъ дѣйствій, — во всякомъ случаѣ, внутренній политическій разладъ во враждебной странѣ и арміи. Наконецъ, принималась также въ расчетъ и возможность братоубійственной войны поляковъ съ поляками, а вслѣдствіе этого и легкость неотдачи обѣщаннаго вознагражденія за помощь или молчаніе.

Итакъ, вслѣдъ за раздѣломъ политическимъ надвигался раздѣлъ еще болѣе страшный, — дальнѣйшая эксплуатація и закрѣпощеніе силъ, — политика, дѣйствующая навѣрняка, пожинающая плоды польской энергіи въ свою пользу.

Политика эта напоминала старинную соколиную охоту. Роль прирученнаго сокола играли, конечно, поляки. Пруссія ихъ натравляла на Россію, Австрія—на Пруссію, а Наполеонъ, примѣняясь къ вулканическимъ колебаніямъ Европы, смотря по обстоятельствамъ, — на ту или другую державу.

Тѣмъ не менѣе въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка освобожденіе Польши революціонной Франціей казалось вполне осуществимымъ какъ польскимъ эмигрантамъ, входившимъ въ переговоры съ республиканскимъ комитетомъ безопасности, а затѣмъ директоріей, такъ и всѣмъ европейскимъ демократамъ, привѣтствовавшимъ восходящее солнце свободы.

Налицо были всѣ условія, всѣ данныя. Съ раздѣломъ Польши, произведеннымъ подъ шумъ революціи, не успѣли еще свыкнуться въ Европѣ, онъ еще не успѣлъ примелькаться хвалителямъ всякаго существующаго порядка вещей.

Не чета позднѣйшимъ свободолюбцамъ, демократы новаго республиканскаго типа высоко держали свое чело и свое знамя. Въ средѣ новыхъ людей, въ острой атмосферѣ новыхъ вѣяній, общавшихъ возрожденіе всего человѣчества, быстро, за одну историческую ночь, созрѣвали идеи и замыслы. У могучаго источника жизни, гдѣ зарождались планы пересозданія всего міра, могли утолить свою печаль и жажду всѣ обездоленные люди и народы. Польская идея была какъ нельзя болѣе въ духѣ времени, въ полномъ согласіи съ магистральными направленіями эпохи.

Оснастить этотъ воздушный корабль можно было только въ единеніи съ Франціей,—и такъ началась (1797 г.) эпопея легионовъ, на страницахъ новѣйшей исторіи одна изъ самыхъ сильныхъ и захватывающихъ.

Это были тѣ *braves des braves*, для которыхъ французскіе вожди не находили словъ похвалы, ни достаточнаго количества крестовъ и отличій. Они освобождали Италію, брали Римъ, дрались въ Испаніи, Австріи, Пруссіи, Египтѣ и въ Россіи, удобряли своей кровью и устилали своими тѣлами всѣ пути наполеоновскихъ фантазій. Преданные ему до поклоненія, до культа, они умирали цѣлыми корпусами на С.-Доминго и уже послѣ заката его звѣзды провожали его за Рейнъ, по ту сторону его слѣпой судьбы и счастья.

Мы знаемъ, что, несмотря на всѣ надежды и героическія усилія, въ той планетной системѣ государствъ, которую хотѣлъ создать Наполеонъ, для Польши не оказалось мѣста, если не считать дарованнаго Наполеономъ Герцогства Варшавскаго, недолгое существованіе котораго предвидѣли еще современники, и между ними одинъ изъ самыхъ умныхъ политиковъ Польши—Гуго Колонтай.

Говоря о „польскомъ романтизмѣ“, необходимо подчеркнуть это слово курсивомъ условности, какъ символъ, имѣющій болѣе широкое значеніе, чѣмъ то, которое обыкновенно придается романтизму, когда идетъ рѣчь о литературномъ направленіи или даже о характерѣ цѣлой эпохи. Польскій романтизмъ—это не только созвѣздіе или такъ называемая троица романтиковъ: Мицкевичъ, Словацкій, Красинскій, и многолюдная плеяда ихъ послѣдователей и подражателей, и не только политическій романтизмъ, выразившійся въ рядѣ пылкихъ и неудачныхъ попытокъ вернуть „золотую свободу“, но это прежде всего—народная черта, огромный идейный размахъ, огромный энтузіазмъ, огромная вѣра во всеобъждающую силу души, которые польскій народъ, исполняя свое историческое призваніе, вносилъ въ семью европейскихъ народовъ.

Впрочемъ, и для польскихъ романтиковъ первой половины XIX в. романтизмъ не исчерпывалъ содержанія ихъ поэзіи и философіи, точно

такъ же, какъ для польскихъ позитивистовъ—позитивизмъ былъ условнымъ знакомъ,—*non de genere*, которымъ въ полемическихъ схваткахъ чаще пользовались ихъ противники—эпигоны политическаго и литературнаго романтизма, и мы увидимъ впоследствии, что всякая доктрина, понабъ въ водоворотъ польской жизни, раздѣляетъ судьбу окружающей среды, уживаясь съ ней лишь постольку, поскольку она служитъ одному верховному началу—возстановленія нарушеннаго права.

Въ этомъ отношеніи Польша является чувствительной, контрольной стрѣлкой, отмѣчающей уклоненіе отъ справедливости въ политикѣ, религіи, искусствѣ, философіи.

Есть нѣчто таинственное, многообъщающее, неизвѣстное другимъ народамъ въ томъ, что скорбь народная, какъ нѣкогда христіанство, въ сознаніи польскихъ пророковъ восходитъ отъ своей колыбели къ идеѣ искупленія всего міра.

На польской сценѣ разыгрывается какъ бы міровой процессъ, міровая трагедія, а актеры этой сцены съ какой-то невольной, стихійной необходимостью играютъ не за себя, не за рискъ и страхъ своей судьбы, а за все человѣчество.

Это цѣлое, почти еще нетронутое, опытное поле для исторіософіи, гдѣ необслѣдованные, божественные законы исторіи выступаютъ во всей ихъ наготѣ и отчетливости, и гдѣ всякій вѣсомый и измѣримый фактъ имѣетъ еще свой особенный вѣсъ и измѣреніе, какъ нѣкоторыя простыя слова, имѣющія, кромѣ обыкновенной, еще вторую оболочку, въ которой отражается все многострадальное, пережитое и передуманное прошлое человѣка.

Всѣ выдающіеся польскіе писатели, о чемъ бы они ни говорили, къ какой бы литературной школѣ они ни принадлежали, думаютъ и ощущаютъ, какъ люди, находящіеся во власти таинственной, сверхъестественной силы, привороженные разъ навсегда къ одной могилѣ, къ одному призраку и воспоминанію, къ одной загробной волѣ, которая ихъ подстерегаетъ подъ всякой широтой земли, на всякой высотѣ жизни: и въ углу стараго, заглохшаго сада барской усадьбы, и въ мансардѣ студента, и на крестьянской свадьбѣ, и въ просторныхъ свѣтлицахъ, и салонахъ европейской культуры. Если не въ самомъ содержаніи, то между строкъ, въ одномъ словѣ или крикѣ эта напряженность просочится наружу, какъ кровь, сквозь самую искусную перевязку; если не въ невольномъ параллелизмѣ Христа и Польши, смерти и Польши, то въ самомъ молитвенномъ ритмѣ слова, въ самой транскрипціи мятежной души на голоса людей и природы.

Но не только эта затаенная подземная работа исторіи, образующая языкъ, какъ трагическую маску, объединяетъ польскихъ писателей различныхъ направленій.

Есть другая, еще болѣе роковая воля, подѣ давленіемъ которой самая простая, самая утилитарная идея подѣ перомъ ея носителя совершаетъ полетъ отъ дѣйствительности, отъ будней тяжелаго труда, повседневныхъ жесткихъ обязанностей и неинтересныхъ людей къ польскому Космосу,—единству и свободѣ Польши.

Въ литературѣ другихъ народовъ, литературѣ болѣе строгихъ категорическихъ формъ—реализма, натурализма, символизма, это явленіе было бы страннымъ, недопустимымъ смѣшеніемъ линій и стилей. Въ польской—оно необходимо по силѣ вещей, которая весь урожай художественной культуры, точно барщину, отдаетъ въ жертву одному ненасытному Молоху. Имя ему—Польша, исторія, требующая денно-ночныхъ добровольныхъ и принудительныхъ гекатомбъ, пожирающая безразлично все и вся: геніевъ, жрецовъ отъ сего и не отъ сего міра, дѣтей, пытаемыхъ въ нѣмецкихъ школахъ, и заскорузлый людъ—польскихъ паріевъ, прусскихъ наемниковъ, воздѣлывающихъ поля разбойной Пруссіи.

A kiedyś może... kiedyś jeszcze,
gdy mi się sprzykrzy leżeć,
rozburzę dom ten, gdzie sie mieszczę,
i w słońce pocznę biec...
.
podejmę może po raz wtóry
ten trud, co mnie zabijał.

Здѣсь говорится о томъ мучительномъ жертвенномъ трудѣ, который убиваетъ въ Польшѣ художника. Когда поэту наскучитъ лежать въ гробу, онъ разрушитъ домъ, въ который его вогнала судьба, расправитъ крылья и взлетитъ къ солнцу. И заключительныя слова: „и вновь сей крестъ я возложу на плечи“.

Такъ въ своемъ предсмертномъ „прости“ говорилъ Станиславъ Выпяньскій, мастеръ кисти и слова, Микель Анжело польскаго ренесанса, человѣкъ, который разметалъ Олимпъ польскихъ праведниковъ, тянулъ на страшный судъ Мидкевича, обличалъ безуміе польскаго креста и одновременно украшалъ витражи краковскихъ готическихъ костеловъ грозными, мстительными ликами святыхъ.

Сойдите въ другія, мирныя долины польскаго искусства, гдѣ властвуютъ дѣды и отцы: Болеславъ Прусъ, Элиза Оржешко, Марія Конопницкая, и вы увидите, что люди, принадлежащіе къ поколѣнію шестидесятниковъ, „обновленцевъ“, позитивисты, въ молодости ярые противники и пересмѣшники романтизма, не умолкавшіе въ призывахъ общества къ отрезвленію, спокойствію и органическому труду, тѣ же скрытые, замаскированные романтики, contra spem sperantes, только болѣе перфшительные и болѣе сентиментальные.

Здѣсь зачастую каждый безразличный честный поступокъ, каждое

ничтожное благодѣяніе, общественная дѣятельность людей буржуазнаго типа, чисто профессиональныя качества смысленныхъ купцовъ, способныхъ инженеровъ-техниковъ превращаются немедленно въ подвигъ, въ красоту почти прометеевскаго блеска и отзывчивости.

Въ ретортѣ химика кроется планъ спасенія отечества, старый приказчикъ, бывшій офицеръ венгерскаго возстанія, пишетъ за прилавкомъ свои мемуары, сѣрая учительница производится въ страждущія Мадонны, а разбогатѣвшій подрядчикъ—въ Наполеоны. И наоборотъ, безсердечіе или тупость ограниченныхъ людей обличается, какъ предательство, измѣна отечеству.

Тамъ, гдѣ эти крупные художники отвлекаются на одинъ моментъ отъ польской жизни, они даютъ перлы чистаго символическаго искусства (напр., „Фараонъ“ Бол. Пруса „Пиръ жизни“ Дыгасинскаго), и только привычное ухо уловить въ нихъ вторую мелодію.

Вернитесь къ современной изящной и изысканной литературѣ польскаго модернизма, къ „Молодой Польшѣ“.

Какъ всѣ молодыя школы, она зарождалась въ проклятіяхъ, въ разрывѣ со старыми наивными формами творчества, въ гордомъ сознаніи своего одиночества и силы.

На ея иппеанскихъ крестинахъ въ Краковѣ, въ журналѣ Пшибышевскаго *Жизнь* провозглашалась новая эра искусства, какъ самостоятельной силы, виѣ политики, общественности, тенденціи. Позитивизмъ справлялъ уже тогда свой юбилей и оставилъ общество погрязшимъ въ мертвящей гниѣ мелкихъ интересовъ, мелкихъ идей, политическаго и общественнаго оппортунизма.

Пришли на смѣну новые люди, создали новый, пламенный языкъ, усилили его цѣлой октавой, цѣлой клавиатурой полутоновъ, годной для передачи самыхъ сложныхъ и самыхъ тонкихъ ощущеній.

Казалось, что они скинули съ себя весь старый изношенный міръ и потому обрѣли новый. Выросъ, широко развѣвился и раскинулся духъ и, какъ плакучая ива, еще глубже наклонился къ отравленному источнику польской жизни. Рана стала шире и чище, и страшнѣе стала дѣйствительность.

Въ Галиціи, на маломъ автономномъ клочкѣ земли, несмотря на широкое научное и образовательное значеніе двухъ центровъ, Кракова и Львова, и политическую бойкость габсбургской вотчины, положеніе было, пожалуй, еще безысходнѣе, чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ. Здѣсь порою замирало біеніе сердца отъ переутомленія, тамъ люди засыпали на своей крошечной автономіи, какъ на пуху, и успѣли выработать тншъ разъ навсегда удовлетвореннаго галичанина-австріяка.

Наконецъ, Познань, задавленная прусскою громадой, ушла всецѣло

въ хозяйственныя заботы и въ отчаянную борьбу съ хищничествомъ польскихъ земель.

„Преодолѣть“ такую трижды проклятую дѣйствительность въ тройственной Польшѣ значило бѣжать постыдно съ поля битвы или, еще хуже, затанцовать передъ лицомъ своей совѣсти и сознанія. Поэтому всѣ литературныя „преодолѣнія“, на самомъ дѣлѣ, сводились къ преодолѣнію формъ, въ которыя болѣе не укладывалась жизнь, точнѣе, они сводились къ введенію современности въ философію и психологію новаго поколѣнія, новыхъ хозяевъ земли.

Исторія продолжала свое разрушительное и творческое дѣло. Измѣнилась только и усовершенствовалась до неузнаваемости чувствительность экрана. Устами Пшибышевскаго, Выспяньскаго, Жеромскаго, Станислава Бржозовскаго заговорила болѣе сознательная личность. Искусство—обѣтованная земля, единственная неограниченная стихія свободы, а не хроника, не бытописаніе, не мелкая собственность нравоучителей и проповѣдниковъ практическаго разума, не Пандемоніонъ типовъ, характеровъ, идей, въ который писатель вплетаетъ свое благородство и разсужденія о любви къ отечеству и народной гордости. Молодая Польша дала свой *павогъ презрѣнія*, лѣтопись своей нервной, страстной и усталой до полусмерти души. Черта неслучайная: такіе колоссы таланта, труда и знанія, какъ Станиславъ Выспяньскій и Станиславъ Бржозовскій, философъ, критикъ, романистъ, авторъ „Легенды молодой Польши“, умираютъ въ молодые годы, въ самую страду жизни. Другіе, какъ Киселевскій, Коморницкая, Ст. Корабль-Бржозовскій—поэтъ, Лицинскій—польскій Горькій, перегораютъ еще раньше.

Искусство въ Польшѣ—это своеобразная чисто-польская домашняя каторга, каторга виѣшняя и внутренняя, матеріальная и моральная. И кто не примѣнился къ польской жизни на бивуакѣ, въ вѣчномъ ожиданіи переменъ, реформъ и чудесъ, кто не угадалъ чутьемъ ея идейныхъ запросовъ и настроеній, тотъ, будь онъ хоть семи пядей во лбу, не найдетъ себѣ читателей. То, что нужно и чего не нужно Польшѣ въ данной полосѣ прозябанія, хотя бы въ краткій, преходящій моментъ, на книжномъ рынкѣ равносильно закону.

Можно смѣло утверждать, что при первомъ улучшеніи политическаго быта въ Ц. Польскомъ тамъ перестанутъ слушать Стефана Жеромскаго, золоту арфу сверхъ-чуткости. По тѣмъ же причинамъ онъ менѣе популяренъ въ Галиціи, и, наоборотъ, Ст. Выспяньскій, гордость Кракова, съ его величественными, декоративными трагедіями, мало понятенъ въ Познани и русской Польшѣ, хотя оба художника могли бы войти въ Палтеонъ современныхъ европейскихъ писателей, какъ первыя величины, *primi inter pares*, и оба исполняютъ духовныя требы всего польскаго народа. Но особенности каждаго изъ нихъ не въ одинаковой

степени привходятъ въ три разъединенныхъ круга одного и того же общества.

Муза Выспяньскаго—польская декоративная смерть, сверхъ-человѣческаго роста, съ головы до ногъ закованный въ латы витязь, стихія его—Краковъ, величіе и окаменѣлость. Жеромскаго міръ жесточе. Это бездна и глухота безъ Бога, безъ преемства, безъ памяти, безъ жалости. Красота? Да, одно мгновеніе, и кулакъ насильника разобьетъ ее вдребезги. Стогolosой музыкѣ человѣческаго сердца отвѣчаетъ вѣчный, тупой механизмъ жизни. И подвиговъ нѣтъ. И исторіи нѣтъ, а есть только могилы, туманныя картины ужасовъ и безконечная смѣна жертвъ.

Стоитъ перебрать, какъ на четкахъ, одни названія его книгъ, чтобы убѣдиться, что онѣ принадлежали мучителю и мученику въ одномъ лицѣ и образѣ. Онѣ или положительно безнадежны или отрицательно красивы: „Призракъ“, „Расклюютъ насъ злые вороны“, „Сизифовъ трудъ“, „Бездомные люди“, „Борьба съ сатаной“, „Местъ Аримана“, и въ этомъ Дантовомъ аду „Роза“ и „Краса жизни“.

Жеромскаго называютъ, какъ Достоевскаго, „жестокимъ талантомъ“. Ничего условнѣе такихъ эпитетовъ! Вліяніе Достоевскаго на „Молодую Польшу“, особенно на Пшибышевскаго, вѣдъ всякаго сомнѣнія. Но „жестокость“ Жеромскаго—чисто польская. Она пѣвуча, какъ лирика Словацкаго. Это—лебединая пѣсня XIX вѣка, не исполнившаго ни одного изъ своихъ обѣщаній, пѣсня молодого невольника о загубленной жизни, пѣсня замученной красавицы, нераздѣльная съ судьбой Польши. Она есть показатель того максимума внутренняго напряженія, предѣльной, допустимой въ искусствѣ черты человѣческаго страданія, за которой начинается для человѣка смерть или безуміе. И пессимизмъ Жеромскаго какой-то особенный, любовный, не встрѣчаемый у другихъ писателей. Жеромскій ненавидитъ муку, какъ палачъ ненавидитъ жизнь. „Польскія раны, — говоритъ онъ, — надо растравлять, чтобы онѣ не загноились подлостью“. И вмѣстѣ съ тѣмъ, никто такъ безумно, такъ цѣпко, такъ сладострастно не привязанъ къ жизни и къ землѣ, и ни къ кому такъ не примѣнима легенда о тѣхъ бѣсноватыхъ монахахъ, которые молитву начинали съ проклятій.

Среди современныхъ нѣтъ писателя, нѣтъ поэта, которые бы умѣли выцѣдить изъ природы и любви столько новой, еще неизвѣданной свѣжести и красоты. Жизнь для жизни, въ самыхъ ея простыхъ проявленіяхъ—полная чаша наслажденій. Дыханіе,—взда черезъ лѣсъ,—жгучій голодь,—размахъ плеча,—физическая гордость—это первый слой, возможная радость бытія, возможность счастья для здоровыхъ, сильныхъ людей. Эта рѣдкая, почти дѣтская способность удивляться себѣ и всему міру, подчеркивать всякое мимолетное ощущеніе,—начало всякаго творчества,—опредѣляетъ и отношеніе Жеромскаго къ женщинѣ.

Точно онъ выросъ въ какомъ-то старомъ, суровомъ замкѣ или монастырѣ, гдѣ о женщинахъ не говорили ни книги, ни люди, и свѣжести перваго переживания любви, первой встрѣчи не могли изгладить потому ни годы, ни эротическая пошлость столицъ.

Жеромскій не идеализируетъ женщинъ. Въ немъ нѣтъ ни рыцарства, ни природной лести. А въ „Исторіи грѣха“ онъ далъ ея микрокосмъ: ея лживость, мелкія ухищренія, даже низость ея прихотей и страстей; однако вездѣ, гдѣ у него появляется любящая или любимая женщина, она окружена таинственностью, какъ южная ночь, какъ сама природа, вѣчное обаяніе которой не умаляется знаніемъ ея законовъ.

Всѣ женскіе образы Жеромскаго выразительны, правдивы не бытовыми и даже не индивидуальными чертами, а тѣмъ, что они живутъ въ знойной, экзотической средѣ его чувства. Оно только въ немъ и властично. Оно приводитъ въ движеніе, животворитъ мельчайшіе недѣлимые атомы вашей памяти, все полусознательное, смутное, затерянное подъ сугробами хладнаго разсудка. Жеромскій творитъ молитву за все погибшее въ душѣ человѣка. Это вѣчная память души и—всесоженіе міра.

Жестокъ не онъ, а исторія, которая не считается ни съ геройствомъ, ни съ самоотверженіемъ, ни съ милліономъ разбитыхъ, распыленныхъ въ зародышѣ и въ расцвѣтѣ существованій, ни съ жертвами и могилами, какъ бы опѣ ни были высоки и священны. Тѣмъ понятнѣе такое созерцаніе жизни въ Польшѣ, отъ которой осталось пепелище да еще сознаніе историческаго долга.

Всѣ маленькіе герои Жеромскаго, — провинціальныя врачи, журналисты и учителя,—трагичнѣе его генераловъ и солдатъ. Къ неиспитому морю зла они подходятъ, какъ къ засоренному колодцу, который можно очистить и сдѣлать годнымъ для питья.

У позитивистовъ эти рядовые богатыри, какъ русскіе шестидесятники, идущіе въ народъ, окрыляются новизной своего подвига, строятъ Польшу отъ низу, отъ основъ и фундаментовъ. У Жеромскаго они идутъ какъ къ прокаженнымъ, а гибель и уродство ихъ жизни неминуемы. А идти надо, не идти нельзя.

„Куда ни взглянешь,—говоритъ лучший польскій критикъ, гр. Ст. Тарновскій,—въ общественныхъ, экономпческихъ отношеніяхъ, въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, въ жизни отдѣльнаго человѣка или въ событіяхъ европейскаго значенія, и въ самой скромной исторіи одной души,—вездѣ одна и та же первопричина, которая творитъ и объясняетъ все дальнѣйшее, вокругъ чего вращается вся Польша, а съ ней литература, мысль и чувство. Въ моментъ раздѣла Польши зародилось все, чѣмъ мы дышимъ до сихъ поръ. И сущность поэзии состоитъ изъ тѣхъ же элементовъ, и самый незначительный атомъ имѣетъ тотъ же удѣльный вѣсъ“.

„Распадъ міра, — говоритъ Красинскій въ предисловіи къ поэмѣ „Заря“ („Przedświt“), — тотъ же, что въ эпоху Цезарей, въ канунъ пришествія Христа... И Польша должна понять, что милостью Бога она преобразилась изъ страны въ идею, изъ историческаго явленія — въ религиозную истину. Когда-то она была фигурой будущаго, теперь она будетъ Новымъ Заветомъ будущаго, знаменосцемъ права и мысли Господней“, т.-е. другими словами, исторія перешла въ сознаніе народа, — фактъ огромнаго значенія, начало новой, впервые сознательной исторіи, отвѣтственной за настоящее, прошлое и будущее, — первый видимый толчокъ, сдвигающій насъ съ мертвой точки, отдѣляющій лавину отъ снѣжной вершины. Первый *видимый*, но невидимыхъ было столько же, сколько явленій человѣческой слѣпоты и безразличія.

Еще въ XVI вѣкѣ, называемомъ золотымъ вѣкомъ польской литературы, когда Польша была еще сильной европейской державой, а слово раздавалось въ ней, какъ благовѣсть, какъ огромный царь-колоколъ въ кафедральномъ соборѣ на Вавелѣ, прозванный народомъ Зыгмунтомъ въ честь короля Сигизмунда I, ксендзъ Петръ Скарга въ своихъ проповѣдяхъ (Kazania Sejmowe) почти за 300 лѣтъ впередъ предсказалъ раздѣлъ Польши съ поразительной, непостижимой точностью. Одну изъ такихъ вдохновенныхъ проповѣдей прервалъ гонецъ, прибывшій къ королю съ доброй вѣстью о великой побѣдѣ гетмана Ходкевича надъ шведами подъ Кирхгольмомъ.

Сенаторы, послы и всѣ присутствующіе преклонили колѣни. Скарга пропѣлъ благодарственную молитву и продолжалъ свои зловѣщія предсказанія среди властныхъ и гнѣвныхъ интиматовъ Рѣчи Посполитой, пріѣзжавшихъ на сеймъ съ отборными войсками. „На ихъ гнѣвы и угрозы, — говоритъ онъ, — я желѣзный столпъ, я — мѣдная стѣна“. Слово его погружается въ совѣсть народа и нащупываетъ самыя больныя мѣста. Ни побѣда надъ шведами, ни надъ татарами не закрываютъ передъ нимъ будущаго.

„Придетъ непріятель — вступится въ ваши распри и скажетъ: раздѣлилось ихъ сердце, — теперь они погибнутъ.

„И раздоры ваши приведутъ васъ въ рабство.

„Затонутъ всѣ ваши свободы, и будетъ, какъ говорили пророки: слуга вмѣстѣ съ господиномъ, рабыни съ госпожей и священникъ съ простымъ людомъ, богатый съ убогимъ и тотъ, который продалъ имѣніе, съ тѣмъ, который его купилъ, — одно безвольное стадо.

„Земли и великія княжества, которыя соединились съ короной и срослись съ ней въ одно тѣло, отпадутъ и расплзутся, какъ ничтожныя хпжины.

„И будете, какъ сирая вдова, — вы, которые правили другими народами!

„И будете притчей во языцѣхъ, примѣромъ смѣха и поруганія.

„Не токмо безъ короля своей крови и безъ избранія его, но и безъ родины и своего королевства, убогіе и жалкіе изгнанники, и гдѣ доселѣ были вамъ почетъ и мѣсто, тамъ попруть васъ ногами.

„Гдѣ добудете такое второе отечество, въ которомъ было бы столько славы и блеска и казны? Истинно, говорю вамъ: потерявъ вашу родную мать, вторую уже не найдете.

„Или вы не видите женщинъ на стѣнахъ Рѣчи Посполитой? Я говорю вамъ: домъ вашъ объять пламенемъ, домъ вашъ рушится! А вы говорите: ничего! Польша сильна разладомъ (Polska nierządem stoi), чѣмъ хуже, тѣмъ лучше!

„Или еще надо, чтобы къ вамъ приходили Іереміи, брали на себя путы и оковы и кричали на грѣшныхъ: *„такъ свяжутъ по рукамъ и ногамъ палачи вашихъ и погонятъ въ чужіе края.*

„Или еще надо взять глиняный сосудъ и разбить его въ вашихъ глазахъ и сказать: такъ вотъ разобьютъ васъ, какъ эту кружку, и не склеить вамъ обломковъ.

„Изсякли слезы мои, — нечѣмъ оплакать мнѣ покореніе родины и народа“.

Такимъ всевидящимъ прозорливцемъ изображенъ Скарга на картинѣ Матейки, — блѣдный, худой аскетъ съ высоко поднятыми руками, точно призывающій громъ небесный на великолѣпныя, гордыя головы магнатовъ.

А вѣдь тогда еще слушала его Польша, Литва, Пруссія, Жмудь, Украина, Червоная Русь, отвоеванныя у шведовъ Инфлянты. И это была еще державная сила, оплотъ и твердыня христіанства.

Насмѣшкой, глумленіемъ, несообразностью должны были казаться современникамъ Скарги его пророчества, а то, въ чемъ онъ обличалъ польскихъ олигарховъ — произволы, насилія, партикуляризмъ, притѣсненія „хлоповъ“, было общимъ повсемѣстнымъ явленіемъ въ феодальной Европѣ, и если припомнимъ, что еще въ половинѣ XVIII вѣка Вольтеръ, опираясь на свою всемірную славу и связи съ коронованными и сіятельными особами, возносилъ къ королю мольбу объ облегченіи участи крестьянъ одного аббатства въ Франшконтѣ, жившихъ, по его словамъ, въ состояніи „скотскаго рабства“, — то вопли Скарги, требующаго въ XVI вѣкѣ, чтобы съ крѣпостными холопами обращались, какъ съ паемниками, кажутся чудовищнымъ скачкомъ въ будущее.

Скарга любить свое отечество не потому, что оно — его родная земля, а потому, что оно, какъ государство, есть установленіе Господне. Богъ создаетъ народы, и они имѣютъ свои обязанности, свою миссію. Это какъ бы особыя творенія, организмы, управляемые божественной мудростью. Польскій народъ онъ считаетъ избранникомъ, не въ смыслѣ его

превосходства надъ другими народами, а по-своему, въ мистическомъ религиозномъ смыслѣ, потому что ему много дано и много взыщется.

Болѣе чѣмъ двѣсти лѣтъ спустя эта идея воскресаетъ въ пѣсняхъ барскихъ конфедератовъ, въ пророчествахъ ксендза Марка, звучитъ въ „Польскомъ Бардѣ“ („Bard Polski“) Нѣмцевича (1795 г.), у Казимира Бродзинскаго (Польша—Христосъ народовъ), у Мицкевича—въ „Дзядяхъ“ и въ видѣннн ксендза Петра, у Красинскаго—въ „Неоконченной поэмѣ“ („Niedokończony Poemat“) и въ „Зарѣ“ („Przedświt“) и въ „Псалмахъ будущаго“ (Польша—народъ народовъ, Ludów Lud jedyny, которому послано „испытаніе могилы“ (próbа grobu) и воскресеніе послѣ утраты земного бытія), у Андerea Товіанскаго, у Словацкаго и мистиковъ эмиграціи 1830 г.

Не въ силу взаимодѣйствія или прививки и не какъ результатъ начитанности ожило слово Скарги, а потому, что христіанство воспринято славянами мистичѣе, что оно запало глубже и потому взошло позже, чѣмъ у другихъ народовъ.

Въ одинъ аккордъ единодушія, который заставляетъ серьезно отнестись къ знаменіямъ того времени, сливаются всѣ голоса не только пророковъ и поэтовъ, но и философовъ, политиковъ. Параллельно и одновременно, а иногда и неразрывно съ этимъ,—какъ называлъ его Мицкевичъ, — *новымъ взрывомъ христіанства* наблюдается возрожденіе и кристаллизація понятія о славянствѣ, какъ второй родинѣ польскаго духа.

Еще въ началѣ XIX вѣка Сташиць, государственный дѣятель Герцогства Варшавскаго и одинъ изъ основателей Общества любителей наукъ, въ „Мысляхъ о политическомъ равновѣсіи Европы“ (1815 г.), обращаясь къ славянамъ, говоритъ: вы пойдете съ природой, они, германцы, противъ естества. Мысль Сташица философски обоснована Августомъ Цѣшковскимъ въ „Prolegomena“, гдѣ находимъ интересную критику нѣмецкой исторіософіи Гегеля (1839 г.).

По Гегелю, цѣлью общества является государство. Государствомъ образцовымъ, которое достигло этой цѣли, была Пруссія. Философія политики, основой и содержаніемъ которой былъ государственный интересъ, идеаломъ—всевластное государство, нашла свое естественное доплененіе въ его философіи исторіи. По тремъ стадіямъ развитія (Востокъ, Греція, Римъ) человѣчество восходитъ къ четвертой, христіанско-германской. Въ пониманн Гегеля эта послѣдняя, высшая эпоха потенциально уже достигла своего сознанія и силы и подходит, слѣдуетъ полагать, черезъ Пруссію и ея гегемонію въ Германіи къ самой высокой ступени, къ которой можетъ дойти цивилизація человѣчества.

Ясно, что протестъ противъ такого пониманія политики и исторіи долженъ былъ быть заявленъ прежде всего съ христіанской точки зрѣнія.

И естественно же всего, что онъ раздался въ Польшѣ, раздѣлъ которой оправдывался государственнымъ интересомъ, именно въ направленіи гегелианской философіи исторіи. Это сдѣлалъ Цѣшковскій. Подраздѣленіе исторіи на три періода, по его мнѣнію, ошибочно, и такъ же ошибочно основанная на немъ система гегелианской философіи. Во-первыхъ, между эпохой Греціи и Рима нѣтъ существеннаго различія, и разбивать античный міръ на двѣ категоріи нѣтъ основанія. Затѣмъ подраздѣленіе исторіи на четыре эпохи противорѣчитъ гегелианской тройственности, діалектической формой развитія которой являются: тезисъ, антитезисъ и синтезъ. Наконецъ, Гегель очевидно ошибается, полагая, что, согласно его дѣленію, человѣчество и его исторія уже дошли въ современной (т.-е., по Гегелю, германской) эпохѣ до своего апогея и предѣла и не имѣютъ передъ собою дальнѣйшаго высшаго будущаго, а слѣдовательно это высшее будущее должно войти въ философію исторіи такъ же, какъ и прошлое. Итакъ, не четыре, а три эпохи: 1) древняя, 2) христіанская и 3) будущая.

Древняя эпоха стояла на ступени инстинктивныхъ ощущеній и взглядовъ, христіанская эра—на высшей ступени рефлексіи и сознанія. Первая создала красоту и право, вторая изслѣдовала истину и возвысила право до нравственности. Третья, будущая эпоха должна осуществить добро и съ сознательной волей воплотить всѣ принципы христіанства въ государство, общество, личную жизнь.

Въ другомъ философскомъ трудѣ, носящемъ оригинальное названіе „Отче нашъ“, Цѣшковскій высказываетъ мысль и увѣренность, что обновителями міра во имя новаго христіанства могутъ быть только славяне.

Въ 1849 г. появился памфлетъ Юліана Клячко „Нѣмецкіе гегемоны“, письмо къ профессору Гервинусу (*Die deutschen Hegemonen. Offenes Schreiben an H. Gervinus*), подписанное инициалами I. K. Блестящій публицистъ, политикъ и эстетикъ, писавшій великолѣпно на трехъ языкахъ,—польскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ,—въ то время двадцатилѣтній докторъ кенгсбергскаго университета, написалъ памфлетъ, равный по силѣ классическимъ филиппикамъ Демосеена.

Германія, опасаясь вмѣшательства императора Николая I въ ея внутреннія дѣла и подавленія ея либеральнаго конституціоннаго движенія, вела тогда съ познанскими поляками политику заигрыванія. Съ высоты престола говорилось о правахъ Польши и объ организаціи княжества Познанскаго на началахъ свободы и націонализаціи ея управленія. Но когда выяснилось, что опасенія были неосновательны, поляки, естественно, стали ненужны, и нарушено было соглашеніе съ польскими добровольцами, послѣдовали разстрѣлы, аресты, гоненія, и на франкфуртскомъ сеймѣ Познанское княжество было закрѣплено за германскимъ союзомъ. Возмущенный до глубины души нѣмецкимъ вѣролом-

ствомъ Клячко вышелъ изъ состава редакціи либеральной газеты Гервинуса „Deutsche Zeitung“ и написалъ памфлетъ о „гегемонахъ“.

На лжи, на хищничествѣ, на злобѣ построена Пруссія, вся ея исторія и все ея доктрины правооснованія и государственной необходимости. За все насилія, за лицемѣріе Германію постигнетъ кара. Карой будетъ славянскій міръ, призванный исторіей къ гегемоніи въ Европѣ. Но эта гегемонія будетъ другая, основанная на свободѣ и справедливости. Панславизмъ—это не гибель въ панславизмѣ, но общая жизнь, общее участіе въ правѣ народовъ.

Въ „Книгахъ польскаго народа и польскихъ пилигримовъ“ („Księgi Narodu Polskiego i Księgi Pielgrzymstwa), а затѣмъ въ „Курсахъ славянской литературы“, которые Адамъ Мицкевичъ читалъ въ Collège de France до 1844 г. и которые относятся къ эпохѣ послѣдняго, мистическаго горѣнія его жизни, есть откровенія, дающія ключъ къ пониманію польской души, и пророчество великой славянской войны за освобожденіе народовъ въ союзѣ съ Франціей. Тайна его ясновидѣнія—тайна чистой души, ея подвижничества.

„...Мнѣ кажется,—писалъ Мицкевичъ къ одному изъ своихъ друзей въ 1835 г.,—что вернутся еще тѣ времена, когда поэтами будутъ только праведники. Быть можетъ, только напѣиѣмъ, только сокровеннымъ пониманіемъ сущности міра можно будетъ пробудить въ массахъ уваженіе къ искусству“...

Съ такой же суровостью онъ отдастъ на судъ все имъ созданное, все, что дало ему славу всемірнаго генія, великаго печальника и трибуна народовъ, ибо „важно только то, что можетъ вселить мудрость и что ведетъ къ познанію Бога“.

Идеѣ польскаго мессіанизма, переплетающейся у Мицкевича съ исторической миссіей всего славянства, чужда исключительность.

Ему чуждъ и національный эгоизмъ, чужда и ненависть. Они несовмѣстимы съ его цѣльной натурой, съ величавой евангельской простотой его помысловъ и цѣлой жизни.

Въ теченіе четырехъ лѣтъ своей профессуры въ Collège de France онъ ни разу не выступалъ въ роли представителя одной Польши. Наоборотъ, съ безпристрастіемъ, ревливой любовью онъ оберегаетъ честь и достоинство другихъ славянскихъ народовъ. Онъ не апологетъ, не защитникъ и не обвинитель, а мудрый начальникъ, судья праславянскаго рода, не умѣющій кривить душой ни передъ Богомъ, ни передъ людьми.

Для Польши это были годы умиранія, годы оскудѣнія политической идеи. Наступили времена мертвящей реакціи. Царство Польское потеряло конституцію, сеймъ, армію, университетъ, школы, послѣднія крохи самостоятельности. Польша стояла, какъ обнаженный лѣсъ, и теперь его рубили нещадно.

Ударъ, нанесенный родинѣ, вызвалъ въ немъ не жажду мести, не злобу, а усиленный внутренній переломъ, переработку цѣлаго міросозерцанія, приведшіе къ синтезу и просвѣту.

Въ первой своей лекціи онъ поясняетъ, что на этой кафедрѣ онъ является естественнымъ звеномъ, посредникомъ между славянствомъ и Франціей, Востокомъ и Западомъ, что онъ лишь глашатай благой вѣсти, посланецъ мало извѣстнаго въ Европѣ молодого славянскаго племени, которое уберегло себя въ своей косности и которому предстоятъ теперь великія европейскія задачи. И оно идетъ, надвигается, вступаетъ на сцену народовъ. Къ Мицкевичу надо подойти смѣло, непосредственно, минуя окольные пути, чтобы понять, что если всѣ пути стараго христіанства вели въ Римъ, то всѣ пути отъ Польши ведутъ къ новому познанію и откровенію, отъ котораго нѣтъ возврата къ прошлому. Но есть слова, затрудняющія доступъ къ его ученію. „Мистицизмъ“—слово это не опредѣляетъ ни мѣста, ни сущности идеи. Мистична всякая вѣра, любовь, исканіе Бога и красоты и цѣлая область глубокихъ ощущеній, управляемая своими законами, гдѣ интуитивная ясность внутренняго факта такъ же неотразима, какъ все, что можно выразить въ образахъ, краскахъ и звукахъ.

И если говорятъ, что Мицкевичъ, Словацкій, Гоголь, Достоевскій, Толстой „впали въ мистицизмъ“, то мы знаемъ, что это слово, заключающее въ себѣ осужденіе или указаніе на ложный путь, отражаетъ въ себѣ всю безнадежность разсудочнаго созерцанія исторіи ихъ противниковъ.

Новое ученіе Мицкевича вяжется съ исторіей Польши и всего человѣчества. Но идея мессіанизма,—идея народа, который войдетъ въ обѣтованную землю свободы не ради своего геройства, а ради страданій, предполагаетъ нѣкоторую подготовку. Она уходитъ отъ всѣхъ доктринъ, дающихъ санкцію насилію государства надъ государствомъ, народа надъ народомъ, человѣка надъ человѣкомъ.

Да иначе и не могло быть. Всѣ попытки отстроить свой домъ потерпѣли крушеніе. Казалось, исчерпаны были уже всѣ возможности, всѣ средства. Всѣ польскія начинанія въ концѣ-концовъ приводили къ крушенію. Всѣ заступничества другихъ народовъ, всѣ исканія покровителей, идеологія „праваго дѣла“, общихъ интересовъ, лойяльность и терпѣніе, упованія на бури и погоду, на свою силу и чужую слабость—дали страшный опытъ.

Итакъ, сумма всѣхъ золъ заставила усомниться не только въ возможности добиться справедливости на судѣ исторіи, но и въ самомъ авторитетѣ этого суда.

И лучше, яснѣе всѣхъ понималъ это Мицкевичъ,—польская совѣсть. Послѣдніе два курса литературы, за которые его лишили кафедры въ Collège, посвящены евангелію новой эпохи.

Эпоха историческая, которая началась съ упадкомъ Римской имперіи, уже кончилась. Она растратила всѣ свои силы, вѣру и душу и не властна уже указывать народамъ ихъ пути. Новый символъ вѣры, новое слово Господне—мессіаниззмъ. Онъ заполняетъ пропасть между словомъ и дѣломъ. Нѣтъ міра внѣ міра, нѣтъ двойкой личности, двойкой совѣсти для Бога и для людей. Церковь,—*civitas Dei*,—заслонила собой Христа. Она приноровилась къ любой философіи и политикѣ. Мѣрило новаго свѣточа, новаго пламени каждой эпохи—ея *слово*, лучъ Господень. Христось, это—*слово* всей земли, но откровеніе Христа, данное 19 вѣковъ тому назадъ, не послѣднее.

Надо перепахать всю страшную исторію человѣческой злобы, всѣ застывшія формы международныхъ отношеній, надо въ какой-нибудь одинъ моментъ жизни, какъ въ канунъ причастія, вѣнчанія или смерти, однимъ блескомъ молніи озарить и погасить въ себѣ все прошлое, чтобы дать душѣ расцвѣсти и покрыться новой листвою.

Послѣ паденія орлеанской монархіи и провозглашенія республики въ 1848 г. Мицкевичъ ѣдетъ въ Римъ, чтобы пріобщить римскаго первосвященника къ великой роли реформатора. Это былъ тотъ популярный въ Италіи и Западной Европѣ Ріо Нопо, который пріютилъ въ своемъ государствѣ политическихъ изгнанниковъ Италіи, ограничилъ вліяніе духовенства и призвалъ народъ къ участию въ управленіи. Аудіенція состоялась 25 марта 1848 г. и, какъ слѣдовало ожидать, не привела ни къ чему.

Въ Краковѣ на Вавельскомъ замкѣ, въ усыпальницѣ королей польскихъ похороненъ Мицкевичъ. Ибо это былъ природный князь, какъ Левъ Толстой, Божьей милостью своей пламенной, всеобъемлющей души.

Создалось крупное недоразумѣніе, одна грубая историческая нелѣпость, нѣсколько сродни тѣмъ, о которыхъ я упомянулъ, говоря о раздѣлѣ польскаго искусства. Это—отсутствіе почвы довѣрія, безъ которой невозможно ни общаться, ни обмѣниваться культурными цѣнностями.

Пусть эгоизмъ въ международныхъ отношеніяхъ нуженъ въ интересахъ сохраненія народности и государства, но въ сферѣ свободной, необъятой канонами таможенной политики, онъ всегда будетъ далекъ отъ истинной культуры и европеизма, какъ далека отъ нихъ и показная лже-культура Германіи.

Однимъ изъ многихъ послѣдствій польской политической разрухи является обезцѣненіе культурныхъ вкладовъ Польши, обезличеніе ея индивидуальности. Внѣ реальныхъ проявленій силы въ политикѣ, государственности и экономическомъ хозяйствѣ страны нѣтъ моральнаго кредита, и удѣляется онъ въ Европѣ только отдѣльнымъ личностямъ, а не цѣлому народу.

Вѣдь не ради любви къ Германіи, а тѣмъ менѣе ради трепета передъ ея войсками, мы изучали Гердера, Лессинга, Шопенгауэра, Нибура, Геринга, поэтовъ, юристовъ, историковъ не только гениальныхъ, но и посредственныхъ. А дѣлали мы это потому, что обходить молчаніемъ науку и искусство другого народа—значить дробить современность, ограничивать свое же сознаніе.

Наоборотъ, чѣмъ болѣе враждебны и нестерпимы были для насъ нѣмецкія притязанія, тѣмъ основательнѣе старались мы познавать врага во всѣхъ его логвищахъ и убѣжищахъ, и то, что угодно думать Германіи о своей „гегемоніи“, такъ же для насъ цѣнно, какъ хроника пхъ новоявленного варварства.

Сопоставьте теперь самымъ объективнымъ образомъ людей, которые презрительное отношеніе къ польской культурѣ возвели въ принципъ, съ польскимъ европейцемъ, который впиталъ въ себя хваленую нѣмецкую мудрость и остался неудовлетвореннымъ; остатокъ, который получился въ пользу послѣдняго, равняется не только количественному знанію трехъ культуръ,—польской, русской и нѣмецкой,—но и качеству его ума.

Всякая нѣмецкая книга блещетъ остріемъ защитныхъ щитовъ: „сіе сдѣлано въ Германіи“, написано на нѣмецкомъ языкѣ, издано въ Лейпцигѣ или Штутгартѣ, на германскомъ рынкѣ, гдѣ въ ста изданіяхъ разработаны всѣ вопросы, всѣ теоріи и системы, а на десять тысячъ книгъ попадутся, быть можетъ, три-четыре, оправдывающія затраченный на нихъ трудъ. Остальное—перемоль: капитальныя руководства, солидныя компіляціи и справочныя книги по всѣмъ областямъ и дисциплинамъ, бедкерство и архивная ветошь.

Но за все производство, за официальную науку, за творчество цѣлой арміи профессоровъ и доцентовъ римскаго права стоитъ стѣной государство. И въ этомъ искусственномъ политическомъ освѣщеніи, въ лучахъ центральнаго солнца Европы ярка и лучиста всякая сѣрая картина.

Нѣмецкому высокому самообману соотвѣтствовало самовнушеніе цѣлой Европы. Достаточно припомнить, что въ франко-прусскую войну 1870 г. Эрнестъ Ренанъ преклонился въ своихъ „Діалогахъ“ передъ „нѣмецкимъ гениемъ“ до рабства, до предательства. Это тамъ, гдѣ онъ говоритъ объ олигархіи химиковъ, инженеровъ, изобрѣтателей, которые съ *молніями въ рукахъ* (foudroyants) будутъ держать въ повиновеніи и черномъ тѣлѣ народныя массы.

Такъ думаетъ нынѣ вся Германія, ея художники, историки, философы, военная аристократія, которую, кажется, и имѣлъ въ виду Ницше, говоря о томъ, что источники мудрости могутъ быть водопоемъ и для нечистыхъ животныхъ.

Въ руку Германіи сыграла и славянская мягкость, чувствительность, барство, не умѣющее оберегать свое добро, использовать свои Богомъ данныя угодія и пажити.

Вотъ почему на Западѣ всѣ знаютъ Генриха Гейне и не знаютъ Словацкаго. Вотъ почему на Западѣ и въ Россіи извѣстны даже мелкіе, неучащенные драматическіе фрагменты нѣмецкаго поэта и совершенно неизвѣстенъ богатѣйшій театр Словацкаго, его подчасъ шекспировская прозорливость и сила въ „Балладинѣ“, „Маріи Стюартъ“, „Мазепѣ“, „Горштинскомъ“, въ „Батриче Чепчи“, въ „Кордіанѣ“. И вотъ почему всѣ знаютъ „Поступившій колоколъ“ Гергардта Гауптмана, и почти никто не знаетъ Ст. Выспяньскаго, реформатора сцены, какъ Craigh и Станиславскій, творца новой художественной драмы, въ которой слово, пѣсня, живопись и пластическое искусство сочетаются въ стройную, могучую симфонію красокъ.

Чтобы подойти къ Выспяньскому, необходимы обходные пути.

Польская романтическая поэзія заканчивается въ половинѣ XIX вѣка. Она съ излишкомъ отвѣтила на всѣ художественные, нравственные, релігиозные и философскіе запросы общества. Подлинно, это была новая Библия, новое Евангеліе, большая всенародная энциклопедія чувства. Допѣто и досказано было все, а когда не стало „троицы“ романтиковъ, романтическую школу, явленіе повсемѣстное, разложили ея продолжатели, лже-пророки, мародеры, заражавшіе своей растерзанностью и безъ того болѣзненную атмосферу. Наконецъ возстаніе 63 г. окончательно развѣчало эпигоновъ этой закваски. Крайнее истощеніе края, полное банкротство идеи и на первыхъ порахъ пришибленность и апатія смѣнились вскорѣ взрывомъ негодованія. Съ понятной, справедливой „насмѣшкой горькой обманутаго сына“ обозрѣвали новые люди доставшійся имъ удѣлъ. Груда разваливъ, ни одного живого мѣста, ни одного зерна для посѣва. Война 30—31 г. была войной народной и проиграна была съ честью. Но возстаніе 63 г. обнаружило полную негодность средствъ и людей.

Произошла не обычная смѣна поколѣній, а *смѣна эпохъ*. Мы знаемъ и давно оцѣнили значеніе этого событія въ Россіи въ огромной идейной литературѣ шестидесятыхъ годовъ, и въ исторіи народничества и народо-вольцевъ, и въ тургеневскихъ романахъ. Какъ бы скептически ни относиться къ тѣмъ новымъ „резвымъ романтикамъ“, насъ всегда будетъ удивлять бѣшеная, неповторимая энергія, съ которой они взялись за дѣло оздоровленія и демократизаціи своей страны.

Мы знаемъ также, какъ нуженъ былъ ихъ призывъ къ упорному труду людей, потерявшихъ инстинктъ жизни, какъ далеко тогда опередила Россію и Польшу Европа, и какъ всѣ Дарвины, Молашоты, Бюхнеры, Огюсть Контъ и Бокли, на которыхъ они ссылались въ статьяхъ,

романахъ и даже въ любовныхъ признаніяхъ, пришли къ двору, были провиденціальнымъ спасеніемъ отъ обломовщины, тунеядства, позерства и бесплодныхъ мечтаній, и какую высоко-культурную роль сыграли потомъ эти люди въ жизни, какъ общественные дѣятели, ученые и образователи характеровъ. Къ этому же времени, какъ извѣстно, относится начало европеизаціи экономической жизни Россіи и Польши.

Въ Царствѣ Польскомъ и Галиціи этотъ процессъ протекалъ подъ перезвонъ двухъ непримиримыхъ идей. Послѣдыши романтизма видѣли въ новыхъ вѣяніяхъ начало политическаго конца Польши, молодые позитивисты—начало культурнаго и общественнаго возрожденія края и въ своихъ манифестахъ и деклараціяхъ „Мы и Вы“, „Мы молодые“ самымъ яснымъ и рѣшительнымъ образомъ указывали прежде всего на необходимость окопаться, какъ слѣдуетъ, въ новыхъ условіяхъ жизни.

Вокругъ такой очевидности возгорались гомерическіе бои, въ которыхъ эпигоны романтизма, не имѣя ни одной сколько-нибудь выдающейся силы, а противъ себя—лучшую передовую молодежь, выступающую во всеоружіи новой науки и талантовъ съ опаснымъ, неуязвимымъ Ахилломъ позитивизма, Александромъ Свѣнтоховскимъ во главѣ, были разбиты, осмѣяны и потеряли свое знамя.

Можно было бы думать, что впервые на сторонѣ молодости стали сухіе, дѣловитые боги житейской мудрости, и исторія пошла вспять, что за благородство и святость идеи страдали старики, а молодыхъ опричникковъ, выметавшихъ изъ родной земли романтическую крамолу, обуялъ духъ нетерпимости и реакціи.

Прійти къ такимъ ошибочнымъ выводамъ было тѣмъ легче, что въ Галиціи тѣ же прометеиды отечественной торговли, промышленности и прикладной химіи, не стѣсненные цензурными запретами, свободно уживались съ самыми умѣренными политическими программами. Продолжая добывать идеологовъ возстанія 63 г., они очутились вскорѣ въ станѣ крупныхъ аграріевъ и въ союзѣ съ клерикалами, подъ главенствомъ бывшихъ позитивистовъ, гр. Ст. Тарновскаго и историка Шуйскаго, очень талантливыхъ и очень одностороннихъ людей, основали строго-консервативную краковскую партію.

При посѣщеніи Францомъ Іосифомъ Кракова въ 1880 г. гр. Тарновскій уже открыто съ большой искренностью заявилъ въ своемъ органѣ *Часъ*, что партія его считаетъ себя опорой габсбургскаго дома и династіи, и, дѣйствительно, въ дальнѣйшемъ она исполняла функціи поддерживающаго фактора въ галиційской жизни, стала разсадникомъ министровъ, намѣстниковъ, чиновной аристократіи, захватила въ свои руки ягеллонскій университетъ и академію наукъ *sub auspiciis imperatoris Francisci Josephi*.

Наконецъ, уже въ 1875 г. затихли въ варшавской пресѣ военные

клики, на что горько жаловался въ *Нивь* Владиславъ Охоровичъ, суля позитивистамъ преждевременную старость. Въ дѣйствительности, это была только маленькая, показная сторона явленій. Изъ лагеря обновленцевъ ушли лишь незначительные люди, а Свѣнтоховскій, нынѣ патріархъ польскихъ прогрессистовъ, или, какъ его называютъ въ Польшѣ, заслуженный профессоръ общественной энергій, въ основанномъ имъ въ 1881 г. журналѣ *Правда* еще двадцать лѣтъ стоялъ на своемъ посту, пока этотъ постъ не превратился въ академическую позу, а самъ Свѣнтоховскій—въ магистра изящныхъ искусствъ и творца самыхъ отвлеченныхъ и скучныхъ философскихъ драмъ.

L'histoire oblige. Людямъ и народамъ, имѣющимъ богатое прошлое, приличествуетъ осторожное, вдумчивое отношеніе къ дѣйствительности. Великимъ несчастіемъ послѣраздѣльной Польши было всегда отсутствіе рѣзкой дифференцировки людей и явленій. Ничто, кромѣ романтической поэзіи, не успѣвало здѣсь отливаться въ окончательныя формы.

Единственнымъ моментомъ, предопрѣдѣлявшимъ правильный, эволюціонный ходъ дальнѣйшаго развитія, была конституція 3 мая 1791 г., открывавшая широкія перспективы: усиленіе мѣщанства, затѣмъ отмѣну крѣпостного права, раздѣленіе суда отъ администраціи, современный парламентаризмъ, равенство всѣхъ гражданъ Польши.

Культурная подготовка къ намѣченнымъ реформамъ была уже налицо, а политическая зрѣлость—это вездѣ и всегда сила, которая развивается въ самомъ движеніи.

Пресѣченіе этихъ линій исказило дальнѣйшую исторію Польши и всѣ запоздалыя стремленія лучшихъ польскихъ людей приобщить свое общество къ социальнымъ реформамъ Европы. Не удалось провести и крестьянскую реформу, завѣщанную конституціей 3 мая. На это не хватало ни времени, ни силъ,—и ничего нельзя было строить на сыпучихъ пескахъ.

Народъ, имѣющій утонченную культуру чувства, ума, великихъ учителей и вождей, которыми могло бы гордиться всякое большое европейское общество, *не получило правильнаго политическаго воспитанія*, какъ Англія, Франція; не отбродили, не отстоялись шляхетскія дрожжи, не окрѣпла буржуазія, не заговорило еще крестьянство.

Эта классовая чрепалосница въ Польшѣ творила въ XIX в. самыя причудливыя сочетанія: шляхетское купечество, консервативныхъ революціонеровъ, сіятельныхъ нигилистовъ, мелко-буржуазныхъ мечтателей.

Демократизація общества не закончилась и сейчасъ, и я позволю себѣ утверждать, что, несмотря на всѣ героическія средства, Польша XIX вѣка радикально не исцѣлила ни одной изъ своихъ немощей.

Мы подошли къ Станиславу Вышнянскому,—къ послѣсловію XIX в. Слово это было сказано 16 марта 1901 года на сценѣ краковскаго театра.

Я говорю о драмѣ „Свадьба“ („Wesele“) Вышнянскаго.

Драма Вышнянскаго, подобно грибоѣдовской комедіи, цѣлкомъ перешла въ поговорку. Нѣкоторые знаютъ ее наизусть, растаскали ее по частямъ, но, кажется, немногіе пожелали ее понять какъ сатирическую казнь за повторимость исторіи:

Куклы, маски, балаганы,
паны—хлопы, хлопы—паны,—

заколдованный кругъ, заколдованный міръ.

Впрочемъ, драма такъ богата многозначительными символами и полуулыбками, такъ дьявольски умна и остроумна, такъ часто блуждаетъ надъ обрывами трагедіи и такъ полна лирическими красотами, что въ ней могли найти удовлетвореніе и тѣ, надъ которыми она горько посмѣялась, и даже круглые индифференты. Вотъ единственный упрекъ, если въ укоръ художнику можно поставить излишекъ красоты.

Пьеса построена на певинномъ фактѣ: на женитьбѣ „барина“ или интеллигента на красавицѣ крестьянкѣ. Въ Броновицахъ подъ Краковомъ идетъ пиръ горой, по обычаю мѣстныхъ зажиточныхъ крестьянъ, цѣлыхъ три дня. Надо сказать, что крестьяне этого края—на рѣдкость статный, красивый и задорный народъ. Это старинные Пясты, хозяйева этой земли, съ большимъ, недѣланнымъ чувствомъ достоинства, знающіе себѣ цѣну, природные аристократы насиженнаго мѣста. Въ пьесѣ сохранены колоритъ и особенности деревни: крестьянская изба, народная, нѣсколько архаизованная рѣчь, бѣлыя парадныя свитки съ красными выпушками, шапки съ павлиньими перьями, безподобное умѣніе подмѣчать уродство и искусственность городской жизни и слабости „господъ“, т.-е. горожанъ, чистосердечная откровенность и даже грубость мужицкихъ шутокъ.

Среди современныхъ писателей Вышнянскій—одинъ изъ немногихъ, которыхъ не коснулись классовые предрасудки и теоріи. Для него народъ—это глыба изъ одного камня, цѣльная и недѣлимая. Крестьянинъ—такая же маска народа, какъ „паны“. Какъ художникъ, онъ, конечно, лучше другихъ, до мелочей, видитъ всѣ индивидуальныя, красочныя стороны крестьянскаго быта, и его важныя, солидные старики-пахари, хозяйственныя бабы и озорная молодежь, а особенно крестьянскія дѣти, тутъ же толкающіяся около взрослыхъ, такъ живы, своеобразны, что дать имъ на сценѣ вторую полную жизнь въ драмѣ не бытовой, не крестьянской и не „панской“, гдѣ свадебные гости *играютъ исторію* въ подставныхъ лицахъ и сама свадьба—случай, парадоксъ, могъ только художникъ, сочетающій въ себѣ, кромѣ двухъ

талантовъ—слова и краски, великую и поэтому сдержанную, мужественную любовь къ народу. Но, какъ мыслитель, онъ не дорожитъ искусственными дѣленіями и перегородками, а за грѣхи и ошибки прошлаго караетъ тѣхъ и другихъ: и за то, что въ 1846 г. предки этихъ крестьянъ, за австрійскіе серебрянники, по провокаціи Меттерниха, устроили галиційскую рѣзню, такъ называемое „возстаніе Шелл“, и избивали не только паповъ, помѣщиковъ, но и тѣхъ демократовъ, которые напругали все усилія, чтобы дать крестьянамъ свободу своими средствами; и за то, что гетманъ Браицкій „съ товарищами“ продавалъ Польшу по частямъ и, наконецъ, продалъ ее всю, и за то, что барскіе конфедераты проиграли дѣло. Все это, и многое другое припомнится на свадьбѣ и окажется, что мужики не понимали господъ, паны не понимали хлоповъ, невѣста не понимаетъ жениха, а вѣнчаются они потому, что горожанамъ опостылѣлъ городъ и что въ этомъ сближеніи съ „природой“ есть истинная шляхетская поэзія и благородство.

Полуусталые отъ танца, хмеля и сладостной дремы, все гости—„простые“ и „непростые“, молодые, старики, поэты, писатели, художники—грезятъ каждый свою думу, свою любовь, свою недопѣтую жизнь, тѣни или насмѣшку, пдущую за нимъ по пятамъ, и въ заколдованную хату начинаютъ проникать призраки-сновидѣнія: кровавый Шелл и христо-продавецъ гетманъ Браицкій, королевскіи шуть-умница Станчикъ и украинскій бунтарь, сѣдовласый „дѣдъ“ Верныгора съ золотымъ рогомъ и лпррой. Даже маленькой крестьянской дѣвчкѣ Исѣ приснился вѣщій сонъ: соломенное чучело—духъ безсилія.

Этотъ переходъ отъ конкретныхъ образовъ къ фантастическому происходить незамѣтно, исподволь, на рубежѣ сонной грезы и дѣйствительности, въ майскую грозовую ночь. Ибо здѣсь все, какъ въ Польшѣ, трагично, все условно, все правдиво и все кошмарно.

И когда разсѣялись призраки, *прошелъ сонъ исторіи*, вы видите съ ужасомъ, что послѣ него осталось одно живое лирическое безуміе, которое объяло всѣхъ до одина: отъ поэта до батрака, отъ разсудительнаго хозяина до послѣдняго пропойцы,—весь собравшійся на свадьбѣ, весь игравшій исторію народъ.

Вотъ гдѣ нѣтъ пановъ и холоповъ, вотъ гдѣ единодушіе, вотъ гдѣ сила,—въ томъ, чего нѣтъ: въ отчаяніи.

И нѣтъ этому танцу смерти,—по крайней мѣрѣ, до XX вѣка, когда опускается занавѣсъ,—не было ему конца. И все они тихо, какъ тѣни, кружатся въ какомъ-то деревянномъ танцѣ.

Итакъ, казалось, разбиты все иллюзіи. Одинъ круговоротъ—вотъ и все. Поэтъ какъ бы отнимаетъ у васъ даже право на грусть, сожалѣніе. И надо ли говорить, что Выспяньскій—такой же романтикъ, какъ весь народъ, и что онъ только *исторгалъ*, но не исторгнулъ изъ своей

груди мечъ? И всё его трагедіи: „Освобожденіе“ (т.-е. освобожденіе отъ романтизма), „Варшавянка“, „Листопадъ“, „Легионъ“, переживаютъ польскую исторію подъ угломъ вѣчности. Онѣ наполнены символами, фавнами, богами, демонами, т.-е. силами природы, дѣйствующими вездѣ и всегда.

Да и слѣдуетъ ли причитать надъ романтизмомъ? Мною было указано, что онъ не литературная, а народная стихія. Онъ живъ, пока живучъ народъ. Истолкователемъ его является вся исторія, ея внутренній смыслъ, ея взмахи и ошибки, поэзія, философія, литература, мистицизмъ.

Въ своемъ бѣгломъ очеркѣ я старался охватить этимъ кольцомъ разрозненныя явленія польской души. Они восходятъ къ славянству, и близость эту сознавали самые выдающіеся умы Польши. Романтизмъ, какъ духъ народовъ, надо беречь. Когда его не станеть, позитивныя германскія крысы расхитятъ весь славянскій міръ...

На началахъ пробуждающейся элементарной справедливости русскаго общественнаго мнѣнія къ польскому народу я основалъ свое моральное право говорить о духѣ польской культуры. Подъ справедливостью элементарной я понимаю тѣ извѣстныя настроенія и симпатіи, которыя выдвинули въ послѣднее время польскій вопросъ на публичныя трибуны.

Но въ дальнѣйшемъ надо вѣрять въ справедливость высшую, сознательную, основанную на признаніи за другимъ народомъ его историческихъ правъ на политическую, общественную и культурную самобытность. Такая справедливость явилась бы простымъ послѣдствіемъ уваженія русскаго общества къ своей культурѣ и народу, моментомъ исторической совѣсти, отвѣтственной за слова и дѣйствія, распространеніемъ свободнаго міросозерцанія на всё явленія чужой души.

Культуры безотвѣтственной нѣтъ и не будетъ. Въ этомъ смыслѣ, въ смыслѣ устоевъ, *исключающихъ возможность рабства и шета*, европейской культуры еще и не было, и современной войнѣ, быть можетъ, суждено очистить это слово отъ кровавой ржавчины вѣковъ и возвратить поруганному символу его ясный смыслъ.

Григорій Львовъ.